

НАТАЛЬЯ
АЛЕКСЕЕВА

МАНИНО
СЧАСТЬЕ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А47

Редактор серии *К. Буянова*

Оформление серии *Е. Петровой*

Алексеева, Наталья Николаевна.

А47 Манино счастье : роман / Наталья Алексеева. — Москва : Эксмо, 2024. — 416 с.

ISBN 978-5-04-201364-5

Маленькая Маня провела детство в деревне. Затем мама забрала ее в большой город, жить с ней и старшей сестрой. Маня вынуждена заново узнавать свою семью, с их тайнами и неудачами в личной жизни.

Бесследно исчезнувший отец, одинокие и несчастливые мать, бабка и прабабка не позволяют девушке создать свой собственный благополучный мир.

Трепетная первая любовь с врачом-ливанцем Амином, казалось, вот-вот приведет к счастью, но вмешательство семьи ломает планы влюбленных. Да и дальнейшие попытки Мани найти любовь терпят крах.

Разгребая снежный ком своих и чужих ошибок, она постепенно осознает причину неудач. Пусть интуитивно, понемногу, но Маня начинает приводить свою жизнь в порядок.

Остается сделать последний важный шаг — стать первой в семье, кто исправит ошибки предыдущих поколений. Первой, у кого все сложится.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алексеева Н., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-201364-5

Моим родителям, семье, роду

Дисклеймер: «Все имена и события в романе вымышлены, любые совпадения с реальными людьми, живущими ныне или ранее жившими, случайны».

Часть 1

О своем детстве Маня рассказывать не любила. И если ей задавали вопросы о ее детстве, то она что-нибудь сочиняла. На Манин взгляд, история ее происхождения была тем, что следует скрывать. Еще бы: Маню и ее сестру-близнеца мать родила от некоего таинственного мужчины, за которым некоторое время была замужем и который очень быстро из их жизни исчез. Дети знали только его имя — Борис. И то не от матери, а просто потому, что в документах каждой в графе «Отчество» значилось «Борисовна». Отцовской фамилии в документах не оставили — обеим девочкам поменяли фамилию на материнскую — Казариновы.

Младший их брат Киря был и вовсе приемным: когда он только-только родился, его родители уехали на заработки на Крайний Север, оставив внука на бабушку (мать матери). Пообещали, что через полгода вернуться. Но не вернулись и пообещали, что еще через полгода точно приедут домой. Но они снова не приехали. Бабушка Кири обиделась на дочь и зятя и тоже перестала им писать. И даже когда они захотели вернуться за своим ребенком, она делать им это запретила — так сильно была обижена. Она растила внука в любви и обожании. Но как только ему исполнилось семь лет, умерла. И над мальчиком нависла угроза в виде страшного слова «детдом».

Но мальчик в детдом, к счастью, не попал: правдами и неправдами, проскандалив несколько недель с сельсоветом и местной опекой, его усыновила бабушка Мани и Вари — Капитолина Ефимовна, жившая в Сибири, в деревне Петухово, — старинная подруга родной бабушки

Кири. В то время Маня и Варя уже жили в доме у своей бабушки — Капитолины Ефимовны, ибо их мать вечно была занята своей работой. «А что? Где двое — там и трое», — говаривала бабка и растила детей.

Обе сестры и их названный брат жили между собой дружно: помогали друг другу, правда, время от времени ругаясь с бабкой и между собой. Иногда девочки поддразнивали Кирию, называя его своим «дядькой». Но он не обижался и даже в ответ называл их «племянницами». И вроде бы все было неплохо, если б только Маня и Варя не скучали по матери, постоянно жившей в Москве.

* * *

Когда-то давно Манина мать, Людмила Казаринова, была настоящей красавицей и при этом вполне уважаемой преподавательницей физики в одной московской физико-математической школе-интернате, где жили и учились одаренные дети, собранные здесь со всего Советского Союза. Ее ученики побеждали на олимпиадах, после школы поступали в университет и со временем становились гордостью научно-исследовательских институтов страны — открытых и закрытых.

По мнению Мани и ее сестры Вари, эти дети и были смыслом и единственной любовью их матери. Но девочек мучила не одна только эта обида. Вторая их обида заключалась в том, что мать никогда им не рассказывала про их отца.

Девочкам лишь однажды сказали, что он был человеком героической профессии, которому нельзя было раскрывать ни своего имени, ни своего местонахождения. Когда-то Мане и Варе такого объяснения было достаточно: главное, что их папа был героем. Возможно, даже разведчиком или космонавтом. А не каким-нибудь там механизатором, или трактористом, или просто алкоголиком: таких отцов у соседских детей было пруд пруди. Но потом тоска по отцу

стала сильнее, правда была какой-то неявной. Эта тоска как будто впиталась в обои, наклеенные в их деревенском доме. Со временем сестры, не сговариваясь, этой темы почти не касались, тем более что судьба Кири была еще более странной и печальной, чем их судьба.

Когда Маня и Варя появились на свет, мать до года продержала их при себе: кормила грудью, но потом отправила к своей матери — к бабке Капитолине Ефимовне. У нее не было другого выхода: будучи преподавателем в ТАКОЙ школе, она не могла позволить себе сидеть дома с детьми. Так что она продолжала свою таинственную жизнь в Москве, а ее дети тем временем жили в далекой сибирской деревне Петухово.

Их бабка, баба Капа, бывшая учительница математики в деревенской школе, вышедшая к тому моменту на пенсию, была раздражительной и скорой на расправу. Детей она колотила всем, что попадалось под руку. Нельзя сказать, что у нее было злое сердце или скверный характер, просто так сложилась ее жизнь. Она, как и ее мать, растила детей одна. Капитолина Ефимовна не стала жить со своим мужем, который был горьким пьяницей и, по ее словам, слабаком. Ее мать тоже почти всю жизнь прожила в одиночестве: она рано потеряла мужа, который не выдержал высылки из Москвы в Сибирь.

Баба Капа по этим причинам относилась ко всем мужчинам и мальчикам (и к ученикам, и даже к Кире) с подозрением: ей казалось, что они все — слабаки и потенциальные пьяницы.

Кирия знал, конечно, что бабка в глубине души любит его (иначе не усыновила бы), но вечно чувствовал себя виноватым из-за своего происхождения, поэтому он старался бабке Капе угодить — по хозяйству и особенно в учебе, потому что в школе спрос с него — приемного сына бывшей учительницы — был большим. Но усмирить мальчишескую натуру окончательно он, конечно, не мог: и с обрыва в реку сигал с друзьями, и по деревьям ла-

зал. Даже несколько раз с медведем в лесной сибирской глуши встречался, хотя знал, что дальше заимки ходить было нельзя. Так что перепадало ему за это изрядно и регулярно.

Правда, Кире повезло: с самого раннего детства его взял под свое крыло бывший бригадир-механизатор Трофим Матвеич, живший по соседству. Уже много лет он был вдовцом. Его сын с дочкой жили в Свердловске, приезжали нечасто. Вот ему и было в радость возиться с Кирей. Поговаривали еще в деревне, что давно когда-то захаживал он время от времени к их бабке Капе, да она не больно об этом распространялась, так как, по ее словам, «дело это было прошлое». А Киря с Матвеичем и на охоту ходил, и в моторах тракторных ковырялся, и мастерил что-нибудь. Так что и в самом деле ему повезло.

Сестры, конечно, в чем-то были похожими друг на друга, но все-таки у них была разная внешность и абсолютно разные характеры.

Варя считалась старшей, так как родилась на несколько минут раньше Мани. Она была тихой и усердной и очень похожей на мать: с тонким профилем и темными миндалевидными глазами. Она тоже рано поняла, что лучше стараться — и в школе, и в бабкином доме, — и потому без конца сидела над книжками. За что бабка ее, кажется, любила больше и поощряла частенько. То конфет ей купит и в ранец незаметно подсунет, то юбку новую, то тетрадку красивую. За старание ее и учителя хвалили, и бабка.

Отрадой Вари были книги — целый мир, в который можно было убежать от почти нищей жизни, от ощущения беспомощности и от осознания своего странного положения. Когда она была совсем маленькой, она любила книги про животных и растения. Они казались ей иной цивилизации, пришельцами с других планет, которые чудом остались жить с людьми и на любовь отвечали любовью, и с ними ей все было понятно. В отличие от мира людей, где на любовь отвечали холодом и разлукой.

Но когда Варя стала старше, мать однажды привезла ей книгу Якова Перельмана «Занимательная физика», и Варя влюбилась в эту науку. Она постоянно читала и перечитывала книгу, подаренную матерью, а потом часами просиживала в библиотеке, читая старые и новые энциклопедии, открывая удивительный и таинственный мир, в котором всем и всему было место — от атомов до далеких планет.

* * *

А Маня была средней сестрой. То есть младшей из двух сестер, но так как детей в семье было трое, то все считали ее средней. В ней не было ни одной материнской черты, но у нее были огромные голубые, сияющие глаза, которые придавали ей совершенно ангельский облик. Да еще светлые волосы с золотистым отливом. Может быть, она была похожа на отца. Но сказать этого точно было нельзя, ведь сестры никогда его не встречали.

Собственная внешность ей не нравилась. Глаза ей казались какими-то несоразмерными лицу, волосы — тонкими и бесцветными, уши казались ей почти лишенными мочек, а нос — слишком острым.

Часами она стояла перед зеркалом, смотрела на себя и думала, как ей можно было бы стать красавицей. Такой, как мать. Но в голову, кроме отчаяния, ничего не приходило.

Да еще и бабка подливала масла в огонь. Бывало, выпьет рюмку водки в субботу после бани, посмотрит на Маню, и затянет: «Да-а-а-а, средняя и есть средняя. Во всем ты, Манька, средняя. И ум средний, и лицо — смотреть не на что. Одно слово — ненормальная. Потому мать вас и не забирает к себе. Гордиться-то нечем... Ты, Манька, в школе-то старайся, тебе в люди надо выбиться хоть как-нибудь, раз умом и красотой ты обойденная. Даже папашка ваш сбежал. Да что с мужиков брать, со слабаков...»

Потом бабка ложилась и начинала храпеть, а Маня плакала под одеялом, чувствуя нарастающую ярость, смешан-

ную с беспомощностью, и жалость к себе, к брату, сестре и матери.

А однажды она, дождавшись, пока все уснут, пошла к Большой Реке и хотела броситься в ее ледяную осеннюю воду, но, к счастью, одумалась.

Одумалась, решив, что она нужна брату и сестре. Ей казалось, что всем им она заменяла мать. И ей нравилась эта мысль. Во-первых, как ей казалось, она была источником тепла для всех, а во-вторых, какая-никакая, а это уже была власть над обстоятельствами. Так она могла контролировать ситуацию. Причем с самых ранних лет. Незаметно, исподволь, она проталкивала свои варианты решений тех или иных вопросов. Мирила всех, находила для каждого свои слова, умела убедить каждого члена семьи в чем угодно. Даже бабуку. Особенно бабуку! Хотя бабушка почему-то считала Маню недалекой, Маня умела так с ней поговорить (по просьбе ли сестры и брата или по собственным надобностям), что бабушка делала так, как Мане было надо.

Маня умела наблюдать за людьми. Она знала о каждом жителе деревни довольно много: кто куда по вечерам ходит, кто кому симпатизирует. Она, будучи ребенком, порой даже легко предсказывала, кто за кого выйдет замуж или кто на ком женится.

И все же Маня очень переживала о том, что она не так умна, как ее сестра и брат. Но к пятнадцати годам она научилась выживать в этих сложных условиях, поняв одну главную вещь: внимательное наблюдение и умение находить общий язык с любым человеком дают надежный контроль над любой ситуацией. А значит, и власть.

* * *

Мама время от времени присылала детям письма, а сама появлялась в их деревне только раз в год, в конце июня, ровно на три дня, после того, как принимала у своих

учеников выпускные экзамены и перед тем, как уезжала в отпуск — всегда на Кавказ.

Дети не знали, одна ли она отдыхала на Кавказе или с кем-то, но они совершенно точно знали, что мать их с собой на Кавказ никогда не возьмет. Как бы им ни хотелось увидеть таинственное Черное море и волшебные горы, на вершинах которых даже летом, неизвестно каким образом, лежал снег. Все, что им доставалось, это открытки с видами Кавказских гор и любительские фотографии моря, сделанные то ли матерью, то ли еще кем-то, им неведомым. Бабка приучила сестер на мать за это не обижаться: говорила, что матери нужно отдохнуть от своих учеников-оболтусов. Втайне же бабка надеялась, что ее дочь все же устроит свою судьбу — если не в Москве, так в своих черноморских отпусках.

Вернувшись с Кавказа, Людмила Казаринова появлялась в доме своей матери сияющая неземной красотой, как принцесса из чехословацкой киношной сказки, с подарками и ласковыми словами.

Но терпения ей не хватало: уже на второй день они с бабкой начинали отчаянно ссориться, обе курили и кричали друг на друга страшными громкими голосами, в которых, как от удара сабель, то и дело звенел металл.

Бабка называла детей «сиротами» и «брошенными», а свою дочь — «гулящей». И детям было страшно. Они сидели, тесно прижавшись друг к другу, в своей комнате и молчали, не в силах смотреть друг другу в глаза. (Ведь так их называли соседи: и в глаза, и за глаза.) Им было невыносимо страшно и стыдно тем самым жутким видом стыда, когда они верили в собственную ущербность, но совершенно не видели никакой возможности хоть что-то исправить. Потому-то они были друг за дружку горой.

Прекращала ругань всегда средняя, Маня. Она выходила из укрытия и дрожащими руками пыталась обнять то мать, то бабку, которые в своем запале порой стряхивали Маню с себя словно назойливое насекомое. Но все же благодаря

ей, Мане, ругань скоро прекращалась, и все ее участницы, тяжело дыша, расходились кто куда.

Да и в школе она всегда мирила ссорившихся детей: ей казалось, что, если ссору или драку не остановить, произойдет что-нибудь страшное, непоправимое, и что только она в ответе за всё и за всех.

Правда, иногда, все еще находясь в круговороте ярости, мать начинала паковать вещи детей в свой маленький чемоданчик, а бабка налетала на нее с криками: «Себя сгубила, так хоть детей оставь в покое!» — и мать, вдруг обессилев, опускалась на стул. А потом уходила на берег Большой Реки...

Последний день ее пребывания всегда тянулся долго и бывал мучительным. Бабка демонстративно не выходила из своего угла, мать поминутно курила, дети чувствовали вину и беспросветную беспомощность.

И только Маня, средняя, притворно глупыми вопросами и репликами, как могла, сглаживала этот острый, как лезвие, последний день визита матери.

Это был год, когда Варя уехала в Москву — учиться в той самой физико-математической школе, где преподавала ее мать. То, что она будет физиком, было давно решено.

Маня хотела ехать с ней: ведь они никогда в своей жизни не расставались даже на минуту. Маня даже ходила на почту, чтобы позвонить матери и разрешить ей приехать в Москву вместе с сестрой, но мать была неумолима.

«Варя — будущий физик, и ее место — в моей школе. А ты здесь учиться не сможешь», — как заведенная повторяла мать, а потом и вовсе положила трубку.

Варя обещала безутешной Мане писать каждую неделю, но слова своего не сдержала. Ее поглотила новая жизнь. Пять дней в неделю Варя училась не поднимая головы, а на выходных вместе с матерью они ходили в театры, музеи, кино, наВДНХ и даже несколько раз — в лабораторию одного научно-исследовательского института.

Они обе мечтали, что Варя выучится в университете, а со временем станет ученым-физиком или будет работать вместе с матерью в той же самой физико-математической школе.

Варя боялась писать сестре еще и потому, что сейчас, здесь, в Москве, мама была только ее. Наконец-то. А если бы Маня приехала сюда, то мать снова пришлось бы делить. К тому же (думала Варя) Киря не должен был один оставаться с сердитой бабкой, которая отчаянно сучала по старшей из сестер.

Так что Варя была в Москве, а Мане и Кире все чаще доставалось от бабки, отчего Маня все больше чувствовала страшное бессилие и несправие. И тоску по своей любимой сестре.

* * *

В те годы Маня очень сблизилась со своей школьной подружкой — умницей и отличницей Валечкой. Валечка была дочкой петуховской докторши и, как ее мать, собиралась стать врачом. Она без конца читала книжки, которые брала в библиотеке, и те, которые ее мать выписывала из Новосибирска. Валечка на будущий год собиралась в медицинское училище, и тоже в Москву. Валечка говорила, что потом поступит сразу на третий курс медицинского института: ей давно не терпелось приступить к делу. Она-то и придумала для Мани отличный план.

Однажды зимним вечером, сидя в библиотеке и готовясь к завтрашнему докладу по физике, подружки разговорились снова про Валечкин отъезд.

Сверкая глазами, Валечка жарким шепотом сказала Мане:

— А поехали летом в Москву вместе со мной! Тоже поступишь в медицинское училище, а?! Будет легко! Вот увидишь! А я тебя подготовлю! Вместе будем жить в общезитии! Давай?!